

РАССВЕТ БЕЗ СТРАХА

ДЖУД ФОСТЕР

18+

Джуд Фостер

Рассвет без страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73065893

SelfPub; 2026

Аннотация

В стране, где свобода совести приравнена к экстремизму, следователь и его бывшая жертва начинают расследование, способное разоблачить сеть страха – FECRIS, РАЦИРС, лжерелигиоведов и чиновников. Их путь – от тьмы допросной до света истины.

Это книга о пробуждении совести и цене внутренней свободы.

В мире, где FECRIS, РАЦИРС и силовые ведомства сплетаются в один спрут, питающийся человеческим страхом, всё ещё возможен другой ответ, кроме ненависти. Настоящий героизм XXI века заключается также в умении сказать «нет» внутри, не поддаться общему безумию и встать на сторону тех, кого проще всего объявить «сектантами» и «шизотериками».

Эта книга для тех, кто устал бояться. Кто когда-то верил в систему, а потом увидел, как она перемалывает живых людей ради статистики. Для тех, кто ищет язык, чтобы описать собственную тревогу перед «борьбой с инакомыслием», и опору, чтобы не сойти с ума в эпоху тотального подозрения. В этом мире рассвет начинается с решения больше не служить чужой ненависти.

Содержание

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К СЕБЕ	4
Глава 1. Слесарь пятого разряда	4
Глава 2. Звонок из другого мира	8
Глава 3. Незваные гости	11
Глава 4. Девять часов	13
Глава 5. Шизотерик	18
ЧАСТЬ II. СЛЕДОВАТЕЛЬ	20
Глава 6. Место встречи изменить нельзя	20
Глава 7. Девять часов пустоты	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джуд Фостер

Рассвет без страха

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К СЕБЕ

Глава 1. Слесарь пятого разряда

Глебу было тридцать семь, и его руки знали металл. Знали его холод по утрам в нетопленном цеху, его податливость под резцом, его упрямство, когда деталь не шла в паз. Пальцы, покрытые сетью застарелых шрамов и вьёвшейся в кожу металлической пылью, могли на ощупь, вслепую, определить допуск в сотую долю миллиметра. На заводе Глеба ценили. Слесарь-инструментальщик пятого разряда – это не просто строчка в трудовой, это знак качества, почти что каста. Когда ломался особенно хитрый станок или нужно было подогнать уникальный пресс-штамп, звали Глеба. Он приходил, неторопливо, со своим стареньким ящиком, обходил агрегат, как врач больного, слушал его, щупал, и через полчаса обычно находил причину там, где до него пасовали трое.

Жизнь его текла по заводскому гудку: подъем в шесть, смена, дом. Не женат. Жил с родителями в стандартной «трешке» на окраине небольшого, когда-то уютного, а теперь

просто привычного российского города. Мать хлопотала на кухне, отец смотрел телевизор, и вечерний воздух пах жареной картошкой и тревогой из новостей.

Эта размеренность, однако, была лишь внешней оболочкой. Внутри Глеб шла совсем другая жизнь, невидимая ни коллегам по цеху, ни даже родителям. С детства он был «слабеньким». Бесконечные простуды, слабые легкие, вегетососудистая дистония – врачи разводили руками и выписывали очередные таблетки, от которых становилось только хуже. Отчаявшись, он начал искать сам. Сначала были книги по нетрадиционной медицине, травники, потом дыхательные гимнастики. А в 2010 году, почти случайно, он наткнулся на слово «йога».

Для большинства людей и тогда, и сейчас йога была чем-то вроде фитнеса для гибких девушек в ярких лосинах. Красивые позы на фоне заката, стойки на голове, шпагаты. Но Глеб, вчитываясь в неказистые, отпечатанные на принтере переводы древних текстов, увидел нечто иное. Он разглядел путь. Путь не наружу, а внутрь.

Асаны, физические позы, оказались лишь первой, самой грубой ступенью. За ними открывался целый мир – пранаяма, управление дыханием и жизненной энергией. А дальше – техники контроля ума, усмирения вечного внутреннего диалога, который раздражает человека на части. Он читал, слушал лекции редких энтузиастов, которые делились своими знаниями в сети, и практиковал. Каждый день, после сме-

ны, он приходил домой, ужинал, ждал, когда родители лягут спать, и расстилал на полу в своей комнате старенький коврик.

Он не стремился к акробатическим рекордам. Его йогой была тишина. Умение сидеть неподвижно, наблюдая за потоком мыслей, не вовлекаясь в него. Умение замедлять дыхание до почти полной неразличимости. В эти моменты мир заводских гудков, лязга металла и телевизионных криков отступал. Уходила боль в вечно ноющей спине, прояснялась голова. Он чувствовал, как внутри него растет что-то чистое и сильное – покой, а затем любовь. Не апатия, не безразличие, а спокойная, ясная сила. Победа не над кем-то, а над вечным хаосом внутри самого себя.

К 2025 году мир вокруг изменился до неузнаваемости. Но Глеб, погруженный в изучение вечных законов бытия, совершенно не замечал, как меняются законы земные. Он жил в своей вселенной, где главной ценностью было сострадание и самопознание, и не видел, что за окном сгущается совсем другая атмосфера. Атмосфера подозрительности, страха и поиска врагов. Он был слишком счастлив и слишком чист, чтобы заметить грязь, подступавшую к самому порогу его дома. Он считал себя патриотом и порядочным человеком. И он им был. Только вот определения этих понятий в его мире и в мире за окном стремительно расходились.

Внутри него расцветала такая тихая, несокрушимая радость познания. Не восторг, не эйфория, а именно спокой-

ная, глубокая радость от простого факта бытия. Ему хотелось поделиться этим. Не для того, чтобы кого-то научить или обратить в свою «веру». Просто потому, что эта радость переливалась через край.

И он начал делиться. На заводе, в курилке, он вдруг мог рассказать мужикам, обсуждавшим проигрыш местной футбольной команды, о том, как наблюдение за дыханием может успокоить гнев. Соседке, жаловавшейся на давление, он советовал простые дыхательные упражнения. Он создал небольшой чат, куда скидывал ссылки на лекции и книги, которые когда-то помогли ему.

Он не видел в этом ничего предосудительного. Он говорил с коллегами в цеху о том, как простое дыхательное упражнение может снять стресс после скандала с начальством. Рассказывал знакомой, страдавшей бессонницей, о техниках расслабления. Он не проповедовал. Он просто делился тем, что спасло его самого. Он видел в людях усталость, страх, растерянность и хотел дать им то, что нашел сам – точку опоры внутри.

Он не понимал, что в новом, построенном на страхе и подозрении мире, человек, предлагающий внутреннюю свободу, становится опаснее любого врага.

Глава 2. Звонок из другого мира

Телефонный звонок вырвал его из вечерней тишины. На экране высветилось знакомое имя с иностранным флагом. Антон. Друг детства, лет десять назад уехавший в Испанию.

– Глебыч, здорово! – голос в трубке был шумным, веселым, пропитанным солнцем и морем. – Как ты там, в своей России-матушке? Завод стоит?

– Стоит, куда он денется, – улыбнулся Глеб. – Как сам, испанец?

– Да отлично! Вот, сидим в кафе на набережной, орчату пьем. Тебе привет передают.

В трубке слышались женские голоса, смех. Глеб представил себе эту картину: закатное солнце, плеск волн, беззаботные, красивые люди. Другой мир.

Поболтали о пустяках, о родителях, о общих знакомых. Но потом Антон посерьезнел.

– Слушай, я тут новости ваши читаю... Что у вас вообще происходит? Такое ощущение, что гайки закручивают уже не то что до упора, а срывают резьбу.

Глеб вздохнул.

– Да есть немного. Но меня это как-то не касается. Я политикой не интересуюсь.

– Да при чем тут политика! – почти крикнул Антон. – Сегодня не касается, а завтра любая книга, которая им не по-

нравится, станет нежелательной. Твоя йога, например. Скажут, что это тлетворное влияние Запада или Востока, неважно. И что ты будешь делать?

Глеб молчал. Он действительно никогда не думал об этом в таком ключе.

– Во-во! Я про это и говорю. Какой-то сюр. У меня тут знакомый, тоже из наших, рассказывал, что у его отца, профессора, проблемы начались из-за какой-то лекции по истории. Представляешь? По истории! Что дальше, за неправильные мысли сажать будут?

– Похоже на то, – тихо сказал Глеб.

– Слушай, – Антон вдруг рассмеялся, – я тут фильм фантастический смотрел недавно. Там, короче, в будущем спецнадзор останавливает общественный транспорт и проверяет у всех флешки, телефоны – ищут запрещенную инфу. Я как представил: едешь ты, Глебушка, в своей маршрутке номер пять, вдруг – визг тормозов, врываются ребята в масках, а ты судорожно пытаешься выкинуть в форточку флешку со своими мантрами и лекциями по пранаяме.

Они посмеялись вместе. Шутка была абсурдной, нелепой. Флешка с йогой. Кому она может угрожать?

– Ладно, старик, бывай, – сказал Антон, прощаясь. – Ты там это... осторожнее. А то твоя йога – это ж сплошная работа на иностранные разведки. Индийские.

Они еще раз посмеялись, и разговор закончился. Глеб положил телефон. Шум испанской набережной стих, и его

снова окружила тишина российской квартиры, прерываемая лишь бормотанием телевизора из комнаты отца. Шутка Антона, дурацкая и нелепая, почему-то не выходила из головы, оставив после себя холодный, тревожный осадок.

Прошло два месяца.

Глава 3. Незваные гости

Звонок в дверь был негромким, но настойчивым. В семь утра. Мать, еще в халате, пошла открывать, недоуменно бормоча: «Кого там принесло в такую рань?»

На пороге стояли трое. Двое в строгой гражданской одежде, один в форме. Их лица были непроницаемы, как серый утренний туман за окном.

– Глеб Игоревич здесь проживает? – спросил один из них, тот, что постарше, не повышая голоса.

– Здесь, – растерянно ответила мать. – А что случилось?

– Нам нужно с ним побеседовать. Пройдите, пожалуйста, с нами.

Глеб, уже вышедший в коридор, всё понял сразу. Тот самый холодный осадок после разговора с Антоном вдруг превратился в ледяную уверенность. Это пришли за ним.

– Я сейчас оденусь, – спокойно сказал он.

Они вошли в квартиру. В их присутствии сам воздух в маленькой прихожей стал плотным и тяжелым. Мать смотрела на него испуганными глазами, отец вышел из комнаты, ничего не понимая.

– Глебушка, что происходит? – шепотом спросила мать.

– Всё в порядке, мама, – он обнял ее. – Просто поговорят и отпустят. Не переживайте.

Он надевал джинсы, свитер, ботинки. Руки немного дро-

жали, но он тут же взял дрожь под контроль, сделав несколько глубоких, размеренных вдохов, как учился. Внутри, за первым уколом страха, поднималась волна холодного спокойствия. «Ты – наблюдатель. Ты не тело. Ты не ум. Ты тот, кто видит». Эта мысль, тысячу раз повторенная во время медитаций, сейчас стала его якорем.

После проведения тщательного обыска, словно искали что-то самое запрещённое в этом мире, изъяли ноутбук и телефон. И пригласили поехать с ними.

Они спустились по лестнице. У подъезда стояла черная машина без опознавательных знаков. Его посадили на заднее сиденье, двое сели по бокам. Машина тронулась.

Он смотрел в окно на просыпающийся город. Вот булочная, куда он бегал за хлебом. Вот школа, где он учился. Вот остановка, где он садился на автобус до завода. Привычный мир проплывал мимо, но уже казался далеким, как будто он смотрел старое кино. Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох. Выдох. Спокойно. Ровно. Они могут забрать его тело. Но они не могут забрать то, что внутри.

Глава 4. Девять часов

Здание, куда его привезли, было серым и безликим. Внутри – длинные коридоры, выкрашенные казенной зеленой краской, и тишина, давящая на уши. Его завели в небольшой кабинет без окон. Стол, два стула, тусклая лампа под потолком, шоколадка и стакан воды.

Человека, который вел допрос, звали Николай Петрович, но он не представился. Он был лет сорока, с усталыми глазами и жесткой линией рта. Он говорил тихо, почти буднично.

– Ну что, Глеб Игоревич. Рассказывайте. На кого работаем?

– Я работаю на заводе. Слесарем пятого разряда, – так же спокойно ответил Глеб.

– Не надо из меня дурака делать, – усмехнулся следователь. – Мы всё про вас знаем. Ваши контакты, ваши «кружки по интересам». Распространение нежелательной литературы. Связи с иностранными спецслужбами. Давайте по-хорошему. Рассказывайте, кто вас завербовал, какие задания давали.

Так начались эти девять часов. Вопросы повторялись по кругу, менялись лишь формулировки. На столе перед следователем лежала папка с его именем. Оттуда доставали распечатки его переписок из старого ноутбука, изъятого из квартиры.

– А это кто такой, Пракаш Джи? Ваш куратор из Индии?

– Это учитель йоги. Я слушал его лекции в интернете.

– Лекции? – следователь снова усмехнулся. – Шифровки,

значит. А что вы обсуждали с этим... Антоном из Испании?

Про «закручивание гаек»? Готовили почву для смуты?

Глеб отвечал ровно и правдиво. Да, интересовался йогой.

Да, говорил с другом о ситуации в стране. Нет, ни на кого не

работал. Он видел, что его ответы не имеют значения. У них

уже была готовая картина, и они просто пытались втиснуть

его в нее.

– Кто такой «Свами Дас»? Ваш куратор?

– Это просто никнейм на форуме, я с ним пару раз общался в 2012 году.

– А зачем вы распространяете среди рабочих завода экстремистскую литературу?

– Я никому ничего не распространял. Я советовал книги по философии.

– Вот эти? – Фролов бросил на стол распечатку обложки «Бхагавад-Гиты». – По заключению наших экспертов, эта литература разжигает... и подрывает... и вносит смуту.

Глеб смотрел на них и чувствовал не страх, а нарастающее недоумение. Словно он попал в театр абсурда, где логика была вывернута наизнанку. Он пытался отвечать спокойно и честно, но его слова тонули в стене враждебности и заранее готовых обвинений.

Часа через два тактика изменилась. Второй, молчаливый,

подошел сзади и с силой надавил на плечи, заставляя согнуться.

– Ты будешь говорить, гнида? Кто тебя завербовал?

Удары были короткими, профессиональными. По почкам, в солнечное сплетение. Не оставляющие синяков, но выбивающие воздух и заставляющие внутренности сжиматься в тугий комок. Его заставили стоять в неудобной позе, пока не занемели ноги. Заставили приседать до полного изнеможения.

– Зачем вы это делаете? – спросил Глеб, тяжело дыша.

– Чтоб лучше вспоминал, – безразлично ответил Николай Петрович, листая его дело. – Надо же как-то простимулировать.

Самым тяжелым испытанием стал пакет. Черный, плотный, мусорный пакет, который вдруг оказался у него на голове. Резкая нехватка воздуха, паника, инстинктивный ужас. Мир сузился до шуршания полиэтилена и бешеного стука сердца. Но и здесь практика пришла на помощь. «Спокойно. Ты делал это сотни раз. Задержка на выдохе. Расслабь диафрагму. Не борись. Наблюдай». Он замедлил дыхание, растягивая каждый выдох, экономя кислород. Паника отступила, сменившись отстраненным наблюдением за реакциями собственного тела. Он чувствовал, как руки, державшие пакет, напряглись в ожидании борьбы, судорог. Но он остался почти неподвижным.

Когда пакет сняли, он увидел на лице следователя смесь

разочарования и недоумения. Он ожидал сломленного, задыхающегося человека, а видел бледного, но абсолютно спокойного мужчину, который смотрел на него без страха и ненависти, с легким, почти незаметным любопытством.

– Ты что, не дышишь совсем? – спросил молодой.

Глеб посмотрел на него ясным, не затуманенным страхом взглядом.

– Я дышу.

Они повторяли это еще несколько раз. Пугали, стращали, склоняли к сотрудничеству. Обещали «упаковать» на десять лет за госизмену или отпустить, если он подпишет бумагу о сотрудничестве и даст показания на своих «подельников» из йога-чата.

Глеб молчал или отвечал односложно, сохраняя внутреннее равновесие. Он не чувствовал к ним ненависти. Только глубокую, вселенскую печаль. Они были как слепые, пытающиеся судить о солнце по ощущению тепла на коже. Они не видели и не могли понять мир, в котором он жил.

Они снова и снова показывали ему фотографии людей, выуженные из его переписки.

– Этого знаешь? А этого? С кем из них поддерживаешь контакты?

Многих он едва помнил – случайные собеседники из тематических форумов десятилетней давности.

Глеб молчал и дышал. Он смотрел на своих мучителей и впервые в жизни видел не просто «силовики», а уставших,

несчастливых людей, запертых в своей собственной тюрьме из приказов, страха и жестокости. Он не чувствовал к ним ненависти. Только глубокую, всепоглощающую жалость.

Глава 5. Шизотерик

Спустя девять часов они выдохлись. Они перепробовали всё: угрозы, «стимуляцию», уговоры, психологические ловушки. Но всё разбивалось о его непроницаемое спокойствие. Он не кричал, не плакал, не молил о пощаде. Он просто был. Присутствовал. И это его присутствие выводило их из себя больше, чем любое сопротивление.

– Ладно, – наконец сказал Николай Петрович, захлопывая папку. Он выглядел измотанным гораздо больше, чем Глеб. – Можешь идти.

Он встал, и второй сотрудник открыл дверь.

– Вещи свои забери, – бросил следователь ему в спину. – И слушай сюда, йог. Еще раз где-нибудь всплывешь со своими проповедями – сядешь надолго. Понял?

Глеб молча кивнул.

Когда он уже был в дверях, Николай Петрович с каким-то странным, почти брезгливым любопытством посмотрел на него и процедил сквозь зубы своему коллеге, но так, чтобы Глеб слышал:

– Шизотерик какой-то...

Его вывели на улицу и просто оставили на тротуаре. Была глубокая ночь. Холодный ветер пробирал до костей. Город спал под низким, чернильным небом. Глеб вдохнул полной грудью влажный ночной воздух. Воздух свободы.

Он шел по пустым улицам домой. Тело ломило, голова гудела от усталости, но внутри была звенящая пустота и ясность. Мир больше не казался прежним. Что-то безвозвратно сломалось. Иллюзия безопасности, в которой он жил, рассыпалась в прах.

Он тихо открыл дверь своим ключом. В коридоре горел ночник. Мать, услышав его шаги, выскочила из комнаты. Она ничего не спросила, просто обняла его, и он почувствовал, как дрожат ее плечи. В ее глазах он увидел весь ужас этих девяти часов ожидания.

Он ушел в свою комнату и сел на коврик. Не для асан. Просто сел. И впервые за много лет из его глаз покатались слезы. Это были слезы не боли или страха. Это были слезы по тому миру, который он потерял, и по тем людям, которые потеряли сами себя. И где-то в глубине этого отчаяния рождалось новое, незнакомое ему чувство. Не просто покой. А решимость.

ЧАСТЬ II. СЛЕДОВАТЕЛЬ

Глава 6. Место встречи изменить нельзя

Николай Петрович Фролов ненавидел запах своего кабинета. Это была сложная, многослойная вонь: кислый дух дешевого кофе, застарелый табачный дым, въевшийся в обивку казенных стульев, и едва уловимая, но самая отвратительная нота – запах чужого страха. Когда-то, тринадцать лет назад, лейтенант Коля Фролов, выпускник юридического, входил в это же самое здание с гордостью. Он шел ловить бандитов.

В его голове звучала музыка из «Места встречи изменить нельзя», а перед глазами стоял образ Глеба Жеглова – жесткого, справедливого, бескомпромиссного борца со злом. Коля тоже хотел вот так, с наганом и пронзительным взглядом, выводить на чистую воду настоящих преступников: воров, убийц, матерых рецидивистов. Он мечтал о погонях, засадах, о той самой «кропотливой, черновой работе», которая очищает город от мрази. «Вор должен сидеть в тюрьме!» – эта фраза стала для юного Коли символом веры. Он будет служить. Служить государству, которое есть воплощение по-

рядка и закона, и очищать его от скверны.

Реальность оказалась иной. Годы учебы в академии и первые годы службы стерли романтический флёр. Оказалось, что «справедливость» – это статистика раскрываемости. «Закон» – это инструмент, гибкий и послушный в умелых руках. А «служба» – это не столько охота на волков, сколько отлов бродячих собак, мешающих проезду важных кортежей. Его амбиции, его желание быть не винтиком, а рычагом, быстро нашли применение. Он был умен, жесток ровно настолько, насколько требовалось, и, что самое главное, умел не задавать лишних вопросов.

Погони и засады случались в основном на бумаге, в отчетах для начальства. Настоящие бандиты давно стали «уважаемыми бизнесменами» или сидели так высоко, что добраться до них было невозможно. А его отдел, отдел по борьбе с экстремизмом, все больше превращался в фабрику по производству дел из воздуха.

Так Николай Петрович стал специалистом узкого профиля. «Санитаром», как он себя иногда называл в редкие моменты нетрезвой откровенности. Он не расследовал убийства и не ловил грабителей. Его сферой были те, кого система назначала «угрозой». Сектанты, активисты, слишком громкие журналисты, а теперь вот – «распространители нежелательной информации». Его работа заключалась в том, чтобы превратить папку с оперативной справкой в чистосердечное признание и обвинительное заключение. Он был масте-

ром «бесед». Механиком человеческих душ, который точно знал, где подтянуть, а где ударить, чтобы механизм сломался и выдал нужный результат. Он занимался грязной работой. И старался об этом не думать.

Он делал это для государства. А государство – это порядок. А порядок – это безопасность. А безопасность – это его семья. Эта логическая цепочка, которую он выстроил в своей голове много лет назад, была его главной защитной мантрой.

«Экстремизм» – какое удобное, резиновое слово. Под него можно было подвести что угодно.

Сначала были Свидетели Иеговы. Старушки, собиравшиеся в квартирах пить чай и читать свои брошюры. Николай помнил их глаза – испуганные, но упрямые. Они плакали во время допросов, молились, но не отрекались от своей веры. Он ломал их. Выбивал показания, угрожал тюрьмой для их детей, фабриковал доказательства. Он получал за это звездочки на погоны и премии. А по ночам его мучило от самого себя.

Потом пошли блогеры, активисты, просто люди, неосторожно поставившие «лайк» не под тем постом. Работа превратилась в конвейер. Найти, надавить, заставить подписать. Он научился быть жестоким. Научился отключать ту часть себя, которая когда-то мечтала о справедливости. Он стал функцией, винтиком в огромной машине, перемалывающей человеческие судьбы.

Единственным, что удерживало его от полного распада,

была Машенька. Его дочь. Десятилетнее солнце с веснушками на носу и смехом, похожим на звон колокольчиков. Ради нее он все это терпел. Ради того, чтобы у нее было все: хорошая школа, кружки, поездки на море. Ради нее он каждый день надевал маску безразличного следователя и шел на свою грязную работу.

Жена, Лена, давно стала чужим человеком. Их брак превратился в холодную войну, где редкие перемирия были лишь передышкой перед новой ссорой. Она презирала его за «ментовскую» работу, за маленькую зарплату, за вечный запах табачного дыма и усталости. Он презирал ее за несбывшиеся ожидания и вечные упреки. Они жили вместе, как соседи, объединенные только общей дочерью и ипотекой.

Машенька была его единственным светом. Когда он приходил домой, и она бросалась ему на шею с криком «Папочка!», лед в его душе на мгновение таял. Он видел в ее глазах безграничное обожание, и это было невыносимо и сладко одновременно. Он был ее героем, ее защитником. И он готов был пойти на все, чтобы она никогда не узнала, чем на самом деле занимается ее «герой».

Глава 7. Девять часов пустоты

День начался как обычно. С холодной постели и шипения Лены с кухни.

– Николай, кран в ванной опять капает! Ты можешь хоть что-то сделать в этом доме, кроме как молча есть и уходить?!

Он молча допил остывший кофе, поцеловал сонную Машу в макушку и вышел за дверь. Осточертело. Все осточертело. Дорога до серого здания управления, пропускной пункт, длинные гулкие коридоры. Работа, от которой першило в горле.

На его столе уже лежала тонкая папка с лаконичной надписью. ДЕЛО № 281-Э. Он открыл.

Объект: Глеб Игоревич ****, 1988 г.р.

Род деятельности: слесарь механосборочных работ 5-го разряда, завод «Красный металлист».

Квалификация: ст. 284.3 УК РФ (Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности).

Фабула: В ходе ОРМ установлено, что гражданин Глеб Игоревич, являясь приверженцем деструктивного религиозно-философского учения «Йога», осуществляет распростра-

нение в сети «Интернет» и среди коллег по месту работы материалов (лекции, книги, видео), признанных нежелательными... Цель – подрыв традиционных духовно-нравственных ценностей...

Николай усмехнулся. Слесарь-йог. Звучало как начало анекдота. Он привык к другим «клиентам»: озлобленным политическим активистам, фанатичным сектантам, проплаченным писакам. Тех он понимал. У них была цель, ненависть, идеология. А здесь что? Слесарь, который в свободное от закручивания гаек время закручивал мозги коллегам индийской философией?

Он пролистал дальше. Распечатки из какого-то чата. Ссылки на лекции бородатых индусов. Фотография обложки книги с синим человечком на колеснице. «Бхагавад-Гита». Экспертное заключение на три страницы убористым текстом доказывало, что эта книга «формирует предпосылки к отчуждению от государственных и социальных институтов».

– Бред какой-то, – пробормотал Николай. Но работа есть работа. План по «экстремизму» горел. И слесарь-йог подходил для закрытия показателя идеально. Не связан с серьезными людьми, не имеет денег на адвокатов. Тихий, безобидный. Такие ломаются быстро, – с профессиональным цинизмом подумал Николай. – Пара часов, и подпишет все, что нужно. Расскажет и про кураторов из ЦРУ, и про планы по свержению строя с помощью асан.

Он нажал кнопку селектора. – Пригласите ко мне лейте-

нанта Фролова. И доставьте объект по адресу. Пора начинать «беседу».

Глеб Игоревич, слесарь пятого разряда, не был похож на предыдущих «клиентов». В нем не было ни заискивающего страха, ни показной бравады. Он вошел в кабинет спокойно, сел на стул и посмотрел на Николая так, будто они встретились в очереди за хлебом. Этот взгляд – прямой, ясный, без тени подобострастия – сразу насторожил следователя.

– Ну что, Глеб Игоревич. Рассказывайте. На кого работаем? МИ-6? Моссад? Или ваши кураторы предпочитают экзотику вроде йоги? – начал Николай со своей стандартной, отработанной фразы.

– Я работаю на заводе. Слесарем пятого разряда, – ровным голосом ответил тот.

Николай внутренне усмехнулся. Все они так начинают. Косят под дурачков. Он начал методично, по накатанной, давить. Распечатки переписок, фамилии, никнеймы, угрозы, игра в «хорошего и плохого полицейского». Но все было тщетно. Подозреваемый не повышал голоса, не нервничал, не путался в показаниях. Он отвечал просто и логично, и эта логика бесила. Она не вписывалась в заранее подготовленный протокол обвинения.

Когда слова закончились, пришло время «стимуляции». Вошли ребята. Николай отвернулся к окну, которого не было, и стал изучать трещину на стене. Он ненавидел этот момент, но знал, что это необходимая часть процесса. Обычно

хватало пары приседаний и одного хорошего удара, чтобы человек «вспомнил» все, что от него требовалось. Но не в этот раз. Слесарь тяжело дышал, но молчал.

Кульминацией должен был стать пакет. Старый, проверенный метод. Универсальный ключ к любой душе. Когда человек задыхается, его животный страх смерти сметает все принципы и убеждения. Николай лично натянул черный полиэтилен на голову Глеба.

Пока руки слесаря инстинктивно дернулись к горлу, а тело напряглось, мысли Николая сделали странный пируэт. Он вдруг отчетливо вспомнил, что обещал Машеньке купить новые мармеладные конфеты, те самые, в виде динозавров, которые завезли в магазин у дома. Надо не забыть. Зайти после работы. Он даже почувствовал их приторно-фруктовый запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.